

П. Н. Базанов

Келломяки (Комарово) в эмигрантский период и культурная жизнь русского зарубежья

В статье впервые дается история поселка и культурная жизнь эмигрантов Келломяки (Комарово) в 1920–1930 гг. Работа написана на архивных документах и малодоступных, редких печатных источниках.

Ключевые слова: Келломяки, Комарово, культурная жизнь, русская эмиграция, русское зарубежье

Petr Bazanov

Kellomyäki (Komarovo) in the period of the emigre Russian cultural life and abroad

The paper first gives the history of settlement and cultural life of the emigrants in Kellomyäki (Komarovo) in 1920–1930. The work is written on archival documents and nearly inaccessible, and rare printed sources.

Keywords: Kellomyäki, Komarovo, cultural life, the Russian emigration, the Russian abroad

Знаменитый поселок Комарово (до 1949 г. – Келломяки) по Санкт-Петербургом хорошо известен как культурный, литературный и научный центр. Став во второй половине XX в. неформальной столицей ленинградской интеллигенции, ассоциируясь с именами А. А. Ахматовой, Д. С. Лихачева, Комарово превратилось в место культурного паломничества. Любой интеллигентный человек, приезжая в Санкт-Петербург, на вопрос, в какие пригороды он бы хотел съездить, отвечает, после стереотипных Петергоф, Пушкин, Павловск, конечно, в Комарово.

В истории поселка Комарово своеобразным «белым пятном», наименее известным и изученным временем является эмигрантский период (1920–1939). После обретения Финляндией независимости и до так называемой «Зимней» войны 1939–1940 гг. Келломяки по-прежнему оставались преимущественно русским поселком, хотя финны переименовали все русские названия улиц. Финские власти открыли на территории Келломяк карантин для русских, бежавших от советской власти и переходивших советско-финскую границу¹. До сих пор нет ни одной публикации о культурной жизни и истории Комарово в эмигрантский период. На наше счастье житель поселка в это время В. Шагин² оставил воспоминания «Что вспомнилось...», которые в рубрике «Русская жизнь в Финляндии портреты прошлого и сегодня» в журнале «Русский листок в Финляндии» были напечатаны в 1987 г.³

Известный русский поэт, певец Белого движения Иван Савин (Саволайнен) в берлинской газете «Руль» в 1926 г. за 28 апреля опубликовал статью «Русские в Финляндии», где великолепно и образно описал жизнь русский эмигрантов. Не побоимся подробно процитировать:

До революции вся южная сторона Выборгской губернии жила исключительно, так сказать, отраженным петербургским светом, Келломяки, Териоки, Перкьярви, Райвола – все это летом было забито дачниками из Петербурга и, частично, севера России. Коренное население дачного района опять так или иначе, путем ли сдачи жилищ или продажи продуктов, но жило и работало для русских дачников, число коих в иные годы доходило до нескольких тысяч.

Теперь Россия отделена от Финляндии высокой стеной коммунизма, а Петербурга и совсем не стало – старого Петербурга, имевшего возможность позволить себе «роскошь» пожить месяц-другой на даче. Нет никаких оснований думать, чтобы раскрылись ворота этой китайской стены, во всяком случае в ближайшем будущем. Да и до дач ли теперь нищему «ленинградцу»? Мы не говорим, конечно, об «ответственных товарищах». Но те, избалованные Крымом, Кавказом и заграничными Ниццами, вряд ли поедут в «чухонские курорты»...

С каждым годом пустеет «прифронтовая полоса». Больно видеть, как разрушаются сотни затейливых домиков, зарастают бурьяном клумбы и сады, валяются от времени или растаскиваются заборы. На каждом шагу встречаешь заколоченные магазины, киоски, булочные: нет покупателей, разбежались торговцы.

<...>

Те десятки русских, что каким-то чудом застряли в этих Келломяках и Териоках, спешат продать свои усадьбы, но кому они нужны? Если кому и подвернется редкий случай продать свою дачу, ценное имущество идет буквально за гроши. Чаще дачи продаются на снос, покупатель перевозит их в окрестности Выборга

или Гельсингфорса, та же дача ставится на новом месте, более удобном для жизни, но и в таком случае владельцу приходится довольствоваться платой низкой до смешного. А многие русские и просто бросают свое имущество на произвол судьбы, уезжая в столицу или в заграницу.

Хроническая безработица, конечно, прежде всего, отражается на русских. Без преувеличения можно сказать, что материальное положение русских беженцев этого района оставляет за собой далеко позади всю общеэмигрантскую неуверенность в завтрашнем куске хлеба. За очень редким исключением беженцы в Келломьяках, Териоках и т. д. периодически голодают в точном значении этого слова, живут в нетопленых, несколько лет не отремонтированных дачах, одеты в тряпье. В особенности катастрофично положение стариков и детей, часто сирот⁴.

В. Шагин также отмечал, что положение резко ухудшилось после 1927 г.: *массовая безработица, привела к тому, что «платить стали очень мало, – только-только хватало для того, чтобы не голодать. Помогали многие лавочники, уступая продукты в долг, до случайной полочки. Так люди жили, не унывали, помня, что охами и ахами делу не поможешь»⁵.*

В Келломьяках продолжала функционировать русская четырехклассная школа (бывшая имени П. А. Столыпина), содержавшаяся Земгором (Земско-городским союзом), с 1920 г. называвшаяся Келломьякским реальным училищем и специализировавшаяся на лесном деле. Келломьякское реальное училище создано было по инициативе приходского совета и состояло из двух подготовительных и четырех средних классов. В ученической библиотеке было около 200 томов. Субсидия Земгора составляла 80 % из школьного бюджета.

В Келломьяках с дореволюционных времен имелся летний театр «Ритц» («Риц»),⁶ куда еще до закрытия финско-русской границы приезжали из Санкт-Петербурга труппы артистов. По воспоминаниям В. Шагина: «В летнее время демонстрировал фильмы „бродячий кинематограф“. Был и небольшой театральный зал с маленькой сценой, – здесь любительская театральная труппа за небольшую входную плату знакомила жителей Келломьяк с русским искусством»⁷. Труппу эту возглавляла бывшая актриса Мариинского театра, руководитель драматического кружка молодежи в Келломьяки Мария Александровна Бьеркелунд, супруг которой Борис Владимирович (1893–1976) – офицер царской армии, участник Белого движения, в 1944 г. его выдали в СССР по так называемому «списку Лейно», до 1956 г. он был в ГУЛАГе, затем вернулся в

Финляндию, был замечательным артистом-дилетантом. Декорации писал с большим искусством художник Владимир Петрович Щепанский (1895–1985) – живописец, член-учредитель и председатель Общества русских художников в Финляндии, после 1945 г. проживавший в Швеции. В. П. Щепанский, по словам В. Шагина, был не только хорошим художником, но и прекрасным артистом, с которым не отказалась выступать до своего переезда в Латвию даже такая прославленная артистка Александринского театра, как Мария Андреевна Ведринская (1877–1948). Келломьякской театральной труппе приходилось выступать с большим успехом также в помещении Терийокского реального училища⁸ и в зале клуба «Сеурахуоне» в Терийоках⁹.

Кроме театра «Риц», была еще группа Н. Н. Годлевского (режиссер), его брата Н. В. Годлевского, В. Шихиной и Н. Пузиных, Белокопытова и Сидорова, дававшая спектакли в помещении Русской народной школы¹⁰.

Одной из достопримечательностей поселка Келломьяки было существование в 1921–1938 гг. книжного магазина А. Рейхе, одного из трех крупнейших русских эмигрантских книжных магазинов в Финляндии¹¹. Август Карлович Рейхе – по профессии врач-логопед, еще до революции создал «летний санаторий для заикающихся вилла Возрождение». К тому же он был официальным распространителем парижской газеты «Возрождение» по Финляндии и корреспондентом и представителем рижской газеты «Сегодня» на Карельском перешейке.

К культурному времяпрепровождению в Келломьяках надо отнести также чтение газет и художественных журналов. По воспоминаниям В. Шагина, русские эмигранты подписывали газеты, как правило, в складчину, так как стоимость прессы резко повышалась из-за пересылки из-за границы. Среди множества газет он выделял: правое «Возрождение» (Париж, 1925–1940); либеральные «Последние новости» (Париж, 1920–1940), редактор – известный историк и общественный деятель П. Н. Милюков; центристский «Руль» (Берлин, 1920–1931), издавалась при участии В. В. Набокова, И. В. Гессена и А. И. Каминки. Меньшей популярностью пользовались газета известного публициста и общественно-го деятеля В. Л. Бурцева «Общее дело» (Париж, 1918–1934); «Дни» (Берлин, Париж, 1922–1928), под фактической редакцией А. Ф. Керенского; «Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности» (Париж, 1928 – 1934), при ближайшем участии П. Б. Струве и редакцией К. И. Зайцева. Более всего В. Шагин выделял «Сегодня» (Рига, 1919–1940) – крупнейшую газету русского зарубежья,

которая много места уделяла развлекательному материалу, и на которую подписывались почти все жители поселка:

В ней печатались описания всех мировых событий, все сенсационные новости, новые романы и повести эмигрантских писателей, таких как: Бунин, Куприн, Ал. Толстой и многие другие. В этой газете печатались и отзывы, и критика, касавшиеся состоявшихся концертов и выступлений артистов, выступавших в странах Прибалтики и Скандинавии. В каждом небольшом даже местечке и, тем более, в городишке имелся свой представитель газеты, сообщавший в редакцию за небольшую плату обо всем, что происходило и, по мнению редактора, могло заинтересовать читателей. Газету «Сегодня» получали почти в каждом семействе, она была недорога! но очень развлекательна¹².

Самым интересным считался двухнедельный литературно-иллюстрированный журнал «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939) под редакцией М. П. Миронова и А. И. Куприна. Для бедных жителей Келломяки он был дорог, и поэтому на него подписывались по несколько семей сразу. Журнал подкупал читателей хорошей печатью, отличными иллюстрациями и карикатурами и развлекательными литературными новинками. Читали в поселке Келломяки и местный «Журнал Содружества» (Выборг, 1932–1938)¹³.

В поселке даже существовало издательство К. В. Самсонова (капитана белой армии, активного пропагандиста протестантизма, проживавшего в Терриоки), выпускавшее книги на русском языке¹⁴. Удалось выявить только одну книгу Франка Мангса «Путь спасения: с разрешения автора свободный перевод со шведского», изданную Самсоновым в 1935 г. и напечатанную в нарвской типографии «Minisse Trukk».

Один из домов на Привокзальной улице принадлежал Русской православной церкви (так называемая «митрополичья дача»). В эмигрантский период дом перешел в собственность зарубежной церкви, и в нем даже бывал знаменитый митрополит Антоний (Храповицкий). При доме существовала домовая церковь (на стыке улиц Привокзальной и Васильева). Называют два адреса: Первый т. н. «митрополичья» дача. По-видимому в Келломяках существовала и еще одна домовая церковь, где более или менее постоянно, проходили службы (на стыке Большого пр. и улиц Курортной и Горной и второй). Нужно отметить и такой интересен факт, что церковные службы проходили иногда даже на побережье залива, когда в ясную погоду был виден Кронштадтский Морской собор.

Продолжало функционировать и кладбище,

основанное в начале XX в. До наших дней сохранились немногие могилы: мальчика Глебинки Серафимова (1921–1928) и семьи Сереныш – Антонины (1906–1924) и Евдокии Ивановны (1880–1939). Среди утраченных захоронений удалось выявить только, что в Келломяках был похоронен купец 1-й гильдии, директор-распорядитель т-ва Бажанов и Чувалдина, член Совета правления Санкт-Петербургского общества взаимного кредита и совета торговой школы им. императора Николая II Филадельф Геннадьевич Бажанов (1864–1931). О его смерти напечатали некрологи самые известные газеты русского зарубежья: берлинский «Рухль», парижское «Возрождение» и нью-йоркское «Новое русское слово».

Регулярно коллективно, как было принято в 1920–1930-е гг., слушали радиопередачи по первым детекторным радиоприемникам. Причем ленинградские передачи слышно было очень хорошо, а финляндские из-за дальности еле-еле.

В Келломяках читались публичные лекции и доклады на самые различные темы в театре «Ритц», книжном магазине А. Рейхе и особняке Р. А. Кауше. Наибольшее впечатление производили выступления А. Г. Пресса, М. Г. Чистосердова, С. Ц. Добровольского и И. Е. Орешина. «Профессор» Аркадий Германович Пресас (1870–1952) был писателем журналистом и популяризатором философских знаний. Еще до 1917 г. он владел дачей в Келломяках, в 1923 г. как поданный Литвы туда эмигрировал, в 1925–1939 гг. жил в Келломяках, а затем переселился в Хельсинки. Михаил Гаврилович Чистосердов (?–1957) – до революции мировой судья, затем учитель русской словесности в Териокском реальном училище. Уроженец Санкт-Петербурга генерал-майор Северин Цезаревич Добровольский (1881–1946), юрист по образованию, был военным прокурором в годы Гражданской войны в Северной области у генерала Е. К. Миллера. После поражения белых Добровольский перебрался в Финляндию в Выборг, где занимался активной деятельностью в среде русской эмиграции. Он был членом правления Союза трудовой интеллигенции Выборгской губернии, Культурно-просветительного общества и секретарем Комитета русских организаций в Финляндии по оказанию помощи голодающим в России. Известен Добровольский был и как талантливый лектор, выступавший в городах и населенных пунктах Финляндии, где жили русские: Выборге, Хельсинки, Терриоки, Куоккале, Келломяках, Гельсингфорсе и др. Фактический редактор и издатель в 1933–1935 гг. выборгского журнала «Клич», в 1944 г. выдан в СССР по так называемому «списку Лейно», где по праву занимал первое место. Старший по возрасту, зва-

нию, один из руководителей Белого движения, имевший обширные связи в финских и международных правых, антикоммунистических кругах всего мира, С. Ц. Добровольский был подлинным лидером русской антибольшевистской эмиграции в Финляндии. Он был конвоирован СМЕРШ в СССР в Москву и расстрелян 26 января 1946 г.

В. Шагин вспоминал:

Помнится мне интереснейшая лекция прокурора Добровольского, прочитанная им в Келломаках на тему о двух романах Достоевского: «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». В своей лекции Добровольский сопоставил обоих героев романов – Митю Карамазова и Родиона Раскольников. Митя, по словам лектора, не был виновен в убийстве отца, но его засудили на каторгу. Раскольников же был виновен в убийстве старухи-процентщицы, но за неимением улик, если бы ни следователь Порфирий и мучившая Раскольникова совесть не принудили бы его сознаться, то преступление осталось бы не наказанным¹⁵.

Самое большое впечатление произвели на В. Шагина лекции на исторические темы. Читал эти лекции Иван Ефремович Орешин (1877–?) – историк и филолог, член Кронштадтского ревкома, бежал в Териоки по льду, председатель Земгора в Финляндии. Преподаватель Териокского реального училища. Позднее – преподаватель русского языка в Хельсинки. Вот как запомнился И. Е. Орешин В. Шагину:

Это был человек очень небольшого роста (Орешин был почти одинаков по величине как в длину, так и в ширину!). У него был круглый, как шар, голый череп с почти невидимым пушком на висках и затылке. Он имел круглое лицо с широким, но узким лбом, маленькие, но очень выразительные глаза, рассеянный, немного блуждающий взгляд глаз, словно он старался увидеть что-то в окружающем пространстве. Ясная дикция, то повышающаяся, то понижающаяся почти до шепота, в зависимости от описываемого события или лица, участвовавшего в этом событии. Когда Орешин начинал излагать какое-либо историческое событие, лицо его как бы изнутри озарилось, глаза увеличивались и начинали блестеть. Тяжеловесная осанка Орешина, вялая, немного развалистая походка, коротенькие ножки – все это делало Орешина похожим на средней величины медведя. Словом, это был тип настоящего лектора-историка, который без всяких усилий с его стороны, заставлял себя слушать. Он никогда

не читал лекций по конспекту, всегда говорил по памяти, словно сам был свидетелем всех событий, о которых он говорил. А говорил он очень образно, иногда останавливаясь и словно вспоминая ход описываемых им событий истории, и готом очень «плавно», словно большая река текла в своих берегах, продолжал повествование. Его лекции никогда не утомляли, а когда он кончал читать, то слушателям хотелось, чтобы он продолжал свои изумительные повествования¹⁶.

Лекции эти проходили в очень небольшом кружке слушателей, в доме Кауше¹⁷. Слушателями обычно были доктор Эдгар Карлович Циммерман (имевший практику в Териоки) с супругой, М. П. Сидорова, В. И. Сандина, Н. И. Герасимова и В. Шагин. Иногда на лекциях присутствовала и сама Нина Кауше, муж которой очень состоятельный человек Роберт Арнольдович, управляющий Нарвскими суконными мануфактурами. Кауше был директором Кренгольмской мануфактуры и потому жил почти постоянно в Эстонии, где находилось названное предприятие¹⁸.

Лекции в зимнее время устраивались по вторникам и четвергам, по два часа в вечер, с перерывами для чаепития, во время которого разговор шел на темы текущей жизни. Начались эти лекции на темы истории с эпохи Иоанна Грозного и кончились Александром II. Главной темой этого царствования был «роман Императора», или начавшаяся любовь императора к молодой воспитаннице Смольного института княжне Екатерине Долгорукой. Царствование Бориса Годунова, смерть Димитрия. Очень много внимания и времени в лекциях было уделено лектором Орешиним Павлу и двум его сыновьям – Александру I и Николаю I.

<...>

Приезжал Орешин в Келломаки поездом, а вечером, после лекции, когда поезда уже не ходили и другого сообщения с Териоками не было, доктор Циммерман вызывал по телефону такси из Териок и брал с собой Орешина. Платили мы лектору кто сколько мог, но не менее пяти финских марок. Доктор же платил за себя и супругу сорок марок¹⁹.

На два месяца летом 1935 г. приехали из Парижа в Келломаки писатель Борис Константинович Зайцев (1881–1972) с женой Верой Алексеевной побывать в «русских местах, среди русских людей». Супруги Р. и Н. Кауше поселили их в пансионе Поммер-Захарова (угол Морской улицы и Приморского шоссе, частично сгорело в 2009 г.). Б. К. Зайцев и его жена были в восторге

от поездки и пропагандировали Келломяки всем парижским знакомым, включая И. А. Бунина.

Здесь совсем другой мир. Наслаждаемся запахом русского леса. 13 лет не знал его... Иван, сколько здесь России! Пахнет покосом, только что скосили отаву в саду, Вера трясла и сгребала сено... И еще: запахи совсем русские: острогорький – болотцем, сосной, березой... И весь склад жизни здесь дореволюционный... Здесь поражают размеры дач. Как широко и богато в России жили!²⁰

Б. К. Зайцев читал лекции, встречался с читателями в Выборге, Терриоках, Келломяках, везде торжественно и радостно принимался публикой.

И не даром свою итоговую книгу «Путешествие Глеба» Зайцев завершит описанием двух счастливых летних месяцев, проведенных в Келломяках, воспринимая пребывание здесь как «редкостную удачу, о которой через тринадцать лет вспоминаешь как о посланной Милости и вечно благодаришь в душе за нее»²¹.

Келломяки так же, как и соседние поселки, активно использовался политическими организациями русского зарубежья в качестве базы для проникновения в Советскую Россию. В поселке постоянно проживали резиденты и члены таких политических организаций, как эсеровская и кадетская партии, Республиканско-демократическое объединение, «Крестьянская Россия», «Братство Русской правды», Русский общевоинский союз, монархические организации и многие другие.

Эмигранты из России признавали авторитет Особого комитета по делам русских в Финляндии. В 1923 г. представителем в Келломяках был А. К. Шведер, он же присутствовал при допросах перебежчиков, а также задерживаемых в Келломякском карантине, по эгидой монархиста-кирилловца, генерала В. В. Бойсмана²².

В 1928 г. из пределов Финляндии был выслан в Северную Африку организатор союза «Спасение России» (агитационный филиал «Братства Русской правды») врач Келломякской больницы Русского Красного Креста, бывший военврач Н. Г. Черных²³. Николай Георгиевич Черных (1893–1962) – уроженец Санкт-Петербурга, по профессии зубной врач, еврей по национальности, попал в Финляндию в 1919 г. с отрядом белых, провавшихся через границу, вместе с женой, урожденной Тарасовой Ольгой Федоровной. В 1933 г. вернулся в Финляндию по француз-

ской визе и проживал в своем имении Вамеллиярви возле Мустомяк. С 1939 г. жил в Хельсинки и работал зубным врачом.

В сентябре 1924 г. история поселка Келломяки могла прерваться из-за знаменитого наводнения. В. Шагин так образно описывает это событие:

Был солнечный осенний день. Мы только сели обедать на балконе, открыли стеклянную дверь, как вдруг налетел сильный порыв ветра, с силой захлопнул дверь, осколки стекол посыпались на стол и на еду, превратив ее в несъедобную массу. С каждой минутой ветер все усиливался, пыль закружилась вокруг, высокие ели и сосны угрожающе закачали вершинами. С моря послышался страшный шум бушующих волн... Мы побежали к берегу, чтобы увидеть, что там происходит, и были не так поражены, как испуганы. Страшные, многометровые волны бились теперь о крутой берег, ломали все на своем пути. Ветер вырывал с корнями огромные сосны, и ими как таранами ломал рыбацьи домики на берегу, а волны подмывали песчаный обрыв, унося песок, угрожали дачам, выстроенным на высоком обрыве. Шторм продолжался недолго, – может быть, час. Потом стал затихать и к вечеру стих совсем. Но причинил он огромные бедствия как на высоких обрывах перешейка, так и, как позже стало известно, в Питере, где вода поднялась на много метров, затопила подвалы, смыла на кладбища памятники и поднимала гробы из могил. Остатки гробов находили позже на бережьи перешейка...²⁴

Подтверждает информацию о цунами и внучка академика И. П. Павлова Л. В. Балмасова, которая, со ссылкой на свою маму, вспоминала о «таком наводнении, что вода подходила к самому обрыву, на лодках плавали»²⁵.

Почти все население Карельского перешейка и финское, и русское было эвакуировано или успело уехать из Келломяки перед началом «Зимней» войны осенью 1939 г. В поселке Келломяки «осталось от финнов три местных жителя»²⁶ (официальная советская формулировка!). Это были Ян-Иван Яковлевич Сериньш (26.06.1877 – 2.05.1942), его дочь Александра (1908–1991) и портной Виктор Малин (1889–?)²⁷. На них история эмигрантской диаспоры в Келломяках и закончилась.

Примечания

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х гг. М.: Триада-Х, 2001. Т. 2. С. 417.

² К сожалению, выяснить какие-либо биографи-

Келломяки (Комарово) в эмигрантский период и культурная жизнь русского зарубежья

ческие данные об авторе воспоминаний В. Шагине не удалось.

³ Шагин В. Что вспомнилось... // Русский листок в Финляндии. Хельсинки, 1987. № 3. С. 29–33.

⁴ Савин И. «Всех убиенных, помяни Россия...». М.: Рос. фонд культуры, 2007. С. 335–336.

⁵ Шагин В. Указ. соч. С. 32.

⁶ Находился между Ленинградской (Петербургской) и Цветочной (Театральной) улицами у 5-го Дачного переулка.

⁷ Шагин В. Указ. соч. С. 29.

⁸ Териокское реальное училище открыто в 1913 г., закрыто в 1917 г., возобновлено в 1918 г. приходским советом. В училище был полный состав классов в 1924 г. 154 ученика. При училище был интернат на 24 ученика, содержавшийся Земгором. Териокское реальное училище выполняло функции клуба, театра и концертного зала. Первым директором в эмигрантский период был известный литературовед и публицист В. Н. Тукалевский.

⁹ Шагин В. Указ. соч. С. 29.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 659. Л. 1.

¹¹ Возрождение. Париж, 1938. 7 янв. (№ 4113). С. 14; За-левский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире 1918–1939 гг.: справ. / Рос. нац. б-ка. СПб., 1998. С. 216.

¹² Шагин В. Указ. соч. С. 32.

¹³ Редакционная переписка «Журнала Содружества

за 1932–1936 гг. / сост., вступ. ст. коммент. А. Г. Тимофеева. СПб., 2001. С. 230.

¹⁴ Книга: энцикл. М., 1999. С. 574.

¹⁵ Шагин В. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 30–31.

¹⁷ Угол Большого пр. и ул. Социалистической.

¹⁸ Шагин В. Указ. соч. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 30–31.

²⁰ Цит. по: Снеговая И. «Маленькая столица» // Комарово–Келломяки: ст. воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Комарово–Келломяки, 2010. С. 84.

²¹ Там же.

²² Русская военная эмиграция 20–40-х гг.: док. и материалы / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ; ФСБ РФ; Служба внеш. разведки РФ. М.: Триада-Х, 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. С. 417, 419.

²³ Соловьев М. С. Дольше года мы ждать не можем. СПб., 2008. С. 66.

²⁴ Шагин В. Указ. соч. С. 31–32.

²⁵ Балмасова Л. В. Интервью. Лето 2000 г. // Комарово–Келломяки: ст. воспоминания. С. 179.

²⁶ Архив УФСБ по СПб. и Ленингр. обл. Д. П–45273: Сериньш Я.-И. Я. Л. 35.

²⁷ См. подробнее: Базанов П. Н. Последние жители поселка Келломяки // Комарово–Келломяки: ст. воспоминания. С. 50–53.